

ТАТЬЯНА ШИШОВА

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ — СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Нравственность и психика... Как это связано? К каким последствиям для психического здоровья приводит пересмотр традиционных нравственных ценностей и как это отражается на жизни общества? Эти вопросы представляют сейчас не только научный, но и практический интерес, затрагивая каждого человека, каждую семью. Беседа с выдающимся детским психиатром Галиной Вячеславовной КОЗЛОВСКОЙ, имеющей за плечами более 50 лет опыта работы в сфере охраны психического здоровья детей и подростков, помогает прояснить ситуацию и наметить пути выхода из кризиса.

Галина Козловская: Психическое здоровье — одна из важнейших общечеловеческих ценностей, потому что именно оно является основой благополучия и гармонии человеческой цивилизации. Практически всё, что происходит в человеческой цивилизации, связано с психическим здоровьем. Оно позволяет человечеству двигаться вперёд, раскрывать свой потенциал, свои творческие возможности, заниматься самоусовершенствованием. Всё это возможно только при сохранении психического здоровья. В противном случае начинается процесс деградации. Разрушается психика людей — разрушается и цивилизация.

Корр.: Исторические факты, да, впрочем, и современность ярко свидетельствуют о том, что бывают люди разрушительного склада.

Г. К.: Да, их деятельность направлена на приобретение для себя богатств и власти ценой убийства, разрушения, осквернения чужих трудов, чужого творчества. Сейчас высказывается мнение, что подобные разрушители якобы тоже имеют право постулировать свои принципы в противоположность тем, кто совершает подвиги и самопожертвование во имя нашего общего блага. Однако ни с точки зрения Божественных предписаний и традиционной нравственности, ни в рамках обычной, прагматической жизненной логики таких деструкторов психически здоровыми назвать нельзя. Люди, сознательно отвергающие нормальную, созидательную, гармоничную жизнь и тянущиеся к криминальной среде, люди, способные ради каких-то собственных выгод и обогащения своих патронов грабить и убивать, безусловно, имеют психические отклонения. Что, впрочем, не снимает с них ответственности за совершённые злодеяния: судебная экспертиза, как правило, признаёт их вменяемыми. Возможность открыто пропагандировать их деструктивные «ценности», закономерно ведёт к криминализации общества, росту преступности, нарко-

мании, проституции, самоубийств и убийств, к хаосу и анархии. Сохранение психического здоровья населения – важная государственная задача. Казалось бы, это не вызывает сомнения. Однако XXI век ознаменовался тем, что человечество отступило от этих принципов. Идёт активный подрыв психического здоровья.

Корр.: В чём это выражается?

Г. К.: Прежде всего, в дискредитации и даже порой в ликвидации устойчивых критериев духовно-нравственного здоровья общества. Проституцию, к примеру, пытаются объявить частным делом и оправдать. Дескать, у женщины должно быть право распоряжаться собственным телом.

Корр.: В некоторых странах уже существуют профсоюзы “секс-работниц”...

Г. К.: Даже снижение возраста людей, занимающихся проституцией, – причём людей обоёго пола, и мальчиков, и девочек! – не воспринимается в определённых кругах как трагедия. Это, видите ли, тоже право выбора... А проблема самоубийств?! Что такое эвтаназия как не опосредованное самоубийство? Человек не сам накладывает на себя руки, но даёт согласие на своё умерщвление. Во многих случаях в принятии такого решения участвуют и его родственники. То есть убийство провозглашается вполне правомочным, законным и, более того, гуманным действием. А такие страшные явления, как работорговля, изъятие органов у людей, которые ещё не успели умереть, но которых признали не имеющими права на жизнь?! Например, раненых на поле боя. Такие зверства практикуются в современных формах ведения войны. Раненых лишают жизненно важных органов и передают их больным, нуждающимся в органопластике. А средства массовой информации уверяют нас, что эти нуждающиеся не только имеют право на подобные операции, но и должны вызывать у нас жалость, поскольку им приходится какое-то время ждать жертвы, у которой этот орган отнимут. И многих пациентов не волнует, как был изъят орган для пересадки: у мёртвого или у ещё живого человека. Главное, что сам пациент получил такой ценой ещё какой-то кусочек жизни. Практически узаконена наркомания, особенно потребление так называемых “лёгких” наркотиков, которые якобы не вызывают зависимости, а являются всего лишь способом улучшения настроения. Торговля “лёгкими” наркотиками очень мало наказуема, потому что она часто ведётся школьниками. Кроме того, в обществе распространяются такие пороки, как педофилия и гомосексуализм, который, что бы там ни говорили защитники прав сексуальных меньшинств, является антиприродным явлением. В природе существуют два пола: мужской и женский, которые предопределяют возможность продолжения рода. А гомосексуализм такой задачи перед своими субъектами не ставит. Здесь цель иная – гедонизм, удовольствие любой ценой, в том числе и таким противоземным способом. И это в современном обществе тоже считается вполне допустимым и законным. Причём многие страны мирятся даже с тем, что гомосексуалисты агрессивно навязывают свой образ жизни, вовлекая в свои занятия людей, у которых нет половой дезориентации. В том числе детей! А ведь чем младше ребёнок, тем легче на него воздействовать и привлечь на свою сторону.

Корр.: Недаром в западном мире вызвал крайнее недовольство запрет гей-пропаганды среди детей, принятый в России. Сколько политиков и разного рода знаменитостей осудили эту меру, направленную на защиту нравственности подрастающего поколения! И Комитет по правам ребёнка при ООН, который, казалось бы, призван защищать “малых сих”, настоятельно рекомендует России отменить запрет.

Г. К.: Можно было бы привести ещё много примеров, свидетельствующих о том, что духовно-нравственное здоровье современного общества стремительно деградирует, но думаю, и так всё понятно. А ведь перечисленные выше факторы ведут к безусловному подрыву психического здоровья. Стать на путь педофилии, наркомании и проституции легко, причём на первых порах может показаться, что ничего особо страшного не происходит. Но следование по пути порока неизбежно приводит к социальной и психической деградации и, в конце концов, к распаду психики. С сожалением можно констатировать, что XXI век принял на себя явные угрозы распаду психического здоровья. Не укрепляет психическое здоровье и подрыв семьи, базовой ячейки общества. Настойчивая пропаганда индивидуальной свободы как высшей ценности

жизни приводит к отчуждению, атомизации членов семьи. Старшее поколение всё больше уклоняется от помощи по воспитанию внуков, стремясь пожить остаток лет “для себя”. Искусственно подогревается конфликт отцов и детей, хотя проблема эта в значительной степени надумана, поскольку в гармоничных семьях такого конфликта или вообще не бывает, или он проходит в очень сглаженной форме. Если отношения между родителями и детьми основаны на взаимном уважении и любви, то на свободу выбора членов семьи никто и не посягает.

Корр.: Это с одной стороны, а с другой – молодёжь в таких семьях не выбирает асоциальные формы поведения, против которых так часто возражают родители.

Г. К.: Конечно! Если молодёжь не выбирает опасные для себя тенденции, то кто же их будет ограничивать? Когда у ребёнка нормальные установки на будущее, когда он хочет создать крепкую семью и совершить что-то значительное, а для этого старается получать знания и укреплять своё здоровье, родные не будут ему препятствовать. Они, наоборот, будут счастливы, что у ребёнка такие благие устремления.

Корр.: Бытует мнение, что талант без сумасшествия невозможен. Якобы все талантливые люди психически ненормальны. Или они, наоборот, талантливы вопреки психическому заболеванию? Что вы на это скажете?

Г. К.: То, что гений – не средняя норма, это действительно так. Гении конечно, люди своеобразные. Скажем, про Эйнштейна говорят, что в детстве он страдал аутизмом. У Достоевского были редкие приступы эпилепсии. Многие знаменитые актёры были одиночками, не создавали семью, потому что целиком и полностью посвящали себя игре в театре или кино. Но, конечно, из этого не следует вывод, что каждый выдающийся человек психически болен. Наоборот, он здоров, потому что психически больной человек, прежде всего, теряет волю. Психическая болезнь поражает одно из главнейших человеческих свойств – стремление трудиться. Для душевнобольного характерно эмоциональное уплощение, которое приводит к тому, что человек становится очень эгоистичным, живёт в своей скорлупе, часто нелепой по содержанию, создавая большие трудности для окружающих. Поражается его воля. Он может долго заниматься какой-то псевдодеятельностью, но ему крайне трудно выполнять свои производственные, учебные, профессиональные обязанности. Он может строить маниловские планы, которые потом, естественно, не реализуются. Психически больной человек постепенно деградирует, лично обедняется. У него страдает память, снижается психическая активность, комбинаторика, изобретательность, пропадает душевная мягкость, сострадательность, способность к солидарности. А раз так, то и творческая активность тоже страдает. Другое дело, что в преддверии болезни, пока она не перешла в тяжёлую форму, может даже наблюдаться некоторый творческий подъём. Так было, например, с Виктором Кандинским, троюродным братом известного художника Кандинского. Виктор Кандинский страдал психическим заболеванием и в одном из приступов душевной болезни покончил с собой. Но пока это психическое заболевание не развилось в тяжёлую форму, он занимался самонаблюдением и написал интересную с научной точки зрения книгу, в которой впервые описан психический автоматизм, так называемый синдром Кандинского-Клерамбо, который он наблюдал у себя. Но когда болезнь начала прогрессировать, творческие способности его иссякли.

Корр.: Значит, не надо культивировать в себе “сумасшедшинку”? А то, бывает, молодёжь к этому стремится, поскольку так хочется быть творческой личностью...

Г. К.: Конечно, не надо. Это истерические установки. Душевная болезнь никакого творческого порыва не создаёт. Бывают даже такие случаи, что в надежде повысить свою творческую активность некоторые люди применяют препараты, которые вызывают психозы. Например, лизергиновую кислоту, галлюциногенные грибы или какие-то другие наркотики. Возможно, в состоянии наркотического опьянения они пару раз и добьются желаемого результата. Но в дальнейшем мозг под влиянием психостимуляторов начнёт разрушаться, и творческие способности угаснут. Гений – это, безусловно, талант плюс труд. Тогда совершаются творческие подвиги. Никакого знака равенства между гениальностью и помешательством поставить нельзя. В состоянии психоза творческой активности нет.

Корр.: Высказывается мнение, что Пушкин страдал маниакально-депрессивным психозом.

Г. К.: Вряд ли. Скорее всего, это были всего лишь лёгкие проявления циклотимии: осенью эмоциональный подъём, а весной – упадок. Но это не душевное заболевание, а особенность характера. Если бы наш гениальный поэт страдал душевным заболеванием, то он не был бы способен создавать такие великие произведения.

Корр.: Тем более что с годами он становился всё более зрелым, глубоким, серьёзным писателем.

Г. К.: Да, никакого угасания в его творчестве не наблюдалось. Наоборот, было явное развитие.

Корр.: Во всём мире, особенно в так называемых развитых странах в последние десятилетия наблюдается выраженный рост психической патологии. Не связано ли это с тем, что люди в массе своей всё больше отходят от Бога, от выполнения религиозных предписаний и норм традиционной морали?

Г. К.: Психика – механизм совершенный, но в то же время очень хрупкий. Заповеди – это предписания, данные нам Богом, чтобы мы жили правильно, в мире и согласии друг с другом. Если мы не придерживаемся этих законов, то мы вступаем на путь саморазрушения. Поэтому распад определённых религиозных скреп, безусловно, придаёт человеку необузданность, нелепость и провоцирует тягу к смерти. Человеку становится не для чего жить. Он быстро разочаровывается в своем разгульном образе жизни, опускается всё ниже и ниже и, в конце концов, обречён на жалкое умирание. Именно об этом повествуют такие известные литературные произведения, как “Портрет” Гоголя или “Портрет Дориана Грея” Оскара Уайльда. Когда человек отказывается от Божественных установлений, это заканчивается однозначно.

Корр.: Насколько ухудшилось психическое здоровье детей и подростков в нашей стране?

Г. К.: Очень значительно. В 80-е годы XX века психическая патология среди детей от 0 до 3 лет ограничивалась 8–9%, а в 2000 году она уже составляла 20%. Среди дошкольников старше 3 лет эти цифры продолжают расти, достигая к 5–6 годам 70–80%. По свидетельству педиатров, лишь 7 детей из 100 не нуждаются в психоневрологической помощи. Количество психосоматических расстройств типа полиартрита, диабета, астмы и так далее выросло за последние 5 лет в три раза. У 80% детей, являющихся пациентами педиатрического стационара, обнаруживают нервно-психические расстройства. 100% неуспевающих и трудных подростков нуждается в помощи психиатра. За последние десятилетия в 10 раз выросло количество инвалидов среди детского населения!

Корр.: В десять раз?!

Г. К.: Да. Причём 25% из них составляют дети с психическими отклонениями, получившие инвалидность по психическому заболеванию. Из 50% юношей, призванных негодными к службе в армии, 10% – то есть пятая часть – комиссованы по психическому заболеванию. А ведь освобождают от службы в армии по такому психическому заболеванию, которое совершенно очевидно для призывной комиссии. То есть речь идет о явных отклонениях, поскольку по пустякам никого не освобождают. А ещё примерно столько же призывников имеет скрытые психические отклонения и, попав в армию, как раз и пополняют статистику дедовщины, суицидов, самострелов, побегов и прочих печальных явлений, которые, к сожалению, до сих пор не удаётся искоренить. Такова картина на настоящий момент: общество, можно сказать, подвержено эпидемии психических расстройств. Среди них, конечно, встречаются искажения характера. Впрочем, это не делает нашу жизнь легче, ведь люди с искажённым характером живут среди нас, они нетерпимы, возбудимы, легко идут на оскорбление окружающих, плохо управляют собой, не умеют терпеть и преодолевать трудности. Но есть и много тяжёлых заболеваний, которые требуют настоящего психиатрического лечения. К примеру, невероятно выросло число больных аутизмом. По зарубежным данным, раньше было 30 случаев на 100 тысяч населения. А сейчас – 60. И говорят, что данные занижены, так как многим больным ставят другие диагнозы. Но поскольку ситуация с аутизмом в мире перешла все возможные границы, об этом стали говорить очень широко. Некоторые специалисты утверждают, что уже чуть ли не 3 ребенка из 100 поражено этой страшной болезнью.

Корр.: Я не ослышалась? Не из ста тысяч, а из ста?

Г. К.: Да. Представляете, во сколько раз увеличилось количество заболеваний?! Это, кстати сказать, американские данные. В России достоверной статистики по аутизму нет, поэтому мы можем ссылаться только на зарубежные источники. Но то, что у нас в последние годы на психиатрическом приёме наблюдается буквально вал аутистических расстройств, об этом тоже невозможно молчать.

Корр.: Что же делать?

Г. К.: Вопрос, как предотвратить надвигающуюся катастрофу, стоит ребром. Причём, полагаю, мы ещё до конца не осознаём её размеры и возможные последствия. Ответ для многих прозвучит парадоксально. Для начала стоит хотя бы обратить внимание на такую дисциплину, как психиатрия, которая снова, как в эпоху перестройки, подвергается шельмованию. Во всяком случае, исподволь ведётся разрушение психиатрической службы и основ психиатрии. Предпринимаются попытки пересмотреть труды выдающихся учёных, основоположников психиатрии, которую я бы назвала наукой наук.

Корр.: Почему?

Г. К.: Потому что она касается всех других медицинских наук, поскольку в основе любого соматического заболевания лежит психическая дисфункция. Скажем, прежде чем лечить инфаркт миокарда или угрозу инфаркта миокарда, надо обратить внимание на психическое здоровье пациента. Неслучайно человечество придумало такие замечательные средства, как корвалол, валокордин и валидол, в основу которых положена валерьянка. Эти препараты, прежде всего, успокаивают нервную систему, и уже во-вторых, могут расширить сосуды и предотвратить развитие сердечной катастрофы.

Корр.: В чём же выражаются попытки ревизии трудов знаменитых психиатров?

Г. К.: В том, что этих авторов либо отодвигают на второй план, либо вообще забывают, придумывают новые критерии, пересматривают сами диагнозы, само наличие той или иной болезни. К примеру, шизофрении. В последней медицинской классификации – а надо сказать, что она уже в который раз приходит к нам от американских специалистов, – шизофрения выведена за скобки.

Корр.: Как будто такого заболевания вовсе нет?

Г. К.: Да. Ну, или если оно и существует, то в каких-то исключительно редких случаях. А у подавляющего большинства пациентов это якобы не болезнь, а особенности характера или поведенческие реакции. Хотя на самом деле шизофрения – заболевание очень грозное, требующее постоянного медицинского наблюдения и серьёзного лечения. Оно приводит к выраженному ухудшению психического здоровья и увяданию личности как таковой. Игнорировать такие страшное заболевание и лишать человека лечения антигуманно. Это отнюдь не является соблюдением его человеческих прав, которые якобы отстаивают противники психиатрии. Дескать, если шизофренику диагноз не ставится, то он не ограничен в социальных правах. Так ведь он ограничен в социальных правах не потому, что врач ему поставил такой диагноз, а потому что у него такая болезнь! Это она ограничивает его в социальных правах. Скажем, больному с бредом преследования нельзя работать хирургом. Или человеку, страдающему эпилептическими припадками, нельзя садиться за руль автомобиля, работать на высоте. Вынести заболевание за скобки классификатора – это не решение проблемы. Надо, наоборот, дать больным возможность реабилитации в других областях человеческой деятельности. На свете много профессий, в которых они вполне могут преуспеть, не подвергая опасности свою жизнь и жизнь окружающих людей.

Корр.: Да и лечить таких больных просто необходимо...

Г. К.: Безусловно, надо искать способы лечения. Не свёртывать программы по поиску лекарств, а наоборот – расширять их. Хотя медицина и сейчас располагает достаточно большим арсеналом средств, которые во многом смягчают психозы. И человек, особенно на начальных этапах шизофрении, вполне может выйти в нормальное состояние, вернуться к активной профессиональной деятельности. К примеру, к исследовательской работе, в которой он способен достичь очень хороших результатов.

Корр.: Пересмотр диагнозов касается только шизофрении?

Г. К.: Нет. Расширяются и критерии установления умственной отсталости, а также границы педагогической запущенности. Хотя есть много объективных критериев, которые определяют уровень интеллекта, и людей с ограниченными интеллектуальными возможностями тоже нельзя допускать к определённым сферам профессиональной деятельности, поскольку от этого может пострадать общество. А закрывать глаза на проблему, снижать планку и таким образом как бы решать проблему умственной отсталости – значит лишь усугублять ситуацию.

Корр.: Сейчас уже говорят, что и неврозов якобы не существует.

Г. К.: Да, якобы это не болезнь, а всего лишь капризы... Но ведь эти “капризы” не дают нормально жить ни человеку, ни обществу. Без лечения невроза навязчивых состояний, когда человек часами занимается выполнением неких ритуалов: прыгает на одном месте, крутит веревочку, перекладывает предметы, перепроверяет какие-то уже сделанные шаги, нередко заставляя участвовать в этом своих близких, – жизнь больного и его семьи становится крайне затруднительной. От того, что мы назовём это не болезнью, а капризами, легче ни больному, ни его родным не станет.

Корр.: Недавно мне рассказывала мама подростка, что он, выйдя из электрички, обязательно должен потом вернуться именно в этот вагон, ещё раз зайти и выйти. Порой бывает, что они уже прошли немного по платформе, а потом он вдруг спохватывается и требует вернуться. А они с мамой забыли, из какого вагона вышли или поезд уехал. И двенадцатилетний мальчик впадает в страшное беспокойство, вплоть до истерики. Разве можно назвать такое состояние просто капризом?

Г. К.: Нет, конечно. Так можно поступать только при легкомысленном, непрофессиональном отношении к медицине и при наплевательском отношении к больным людям.

Корр.: А как наши либералы шельмовали профессора Снежневского за диагноз “вялотекущая шизофрения”? Дескать, нет такого, это только в угоду советской власти придумано, чтобы сажать диссидентов в психушку!

Г. К.: Снежневский был великим учёным. Что же касается диагноза, то любое заболевание может протекать в острой форме, а может иметь вялотекущую форму. Возьмём, к примеру, туберкулёз. Он бывает в виде вяло текущего заболевания или даже всего лишь первичного комплекса, который мы все претерпеваем в раннем детстве при соприкосновении с туберкулёзной инфекцией, после чего у нас остается маленький шрамик в лёгких. А может быть и острая форма туберкулёза. Так и шизофрения порой имеет вялое течение, а порой приобретает тяжёлую форму токсического психического расстройства. Нелепо спорить с очевидными вещами. Это говорит о полном непрофессионализме. О том, что спор ведётся на уровне обывателей.

Корр.: Вернёмся к вопросу о том, как предотвратить катастрофу. Итак, первое, что необходимо сделать, это восстановить статус психиатрии...

Г. К.: Да, но этого мало. Надо восстановить те структуры, которые составляли медицинскую основу психиатрии: стационары, амбулаторную службу, дневные стационары, лечебно-трудовые мастерские и множество других реабилитационных центров, которые позволяли человеку с определёнными отклонениями найти себе место в обществе. Если у него не было тяжёлой формы заболевания, он мог обходиться дневным стационаром.

Корр.: Как это выглядело?

Г. К.: Он приходил туда на несколько часов или ночевал в этом лечебном учреждении, а утром шёл на работу. Люди же, которые в результате психического заболевания потеряли трудоспособность, успешно находили своё место в лечебно-трудовых мастерских. Конечно, занятия там были довольно примитивными: больные клеили коробочки и выполняли ряд других простейших функций. Но упрямднть под этим предлогом такое важное реабилитационное заведение совершенно неправильно! Пожалуйста, расширяйте виды труда, делайте его более современным. В Кемерово, например, эти мастерские так были модернизированы, что помогали содержать больницу, теплицы, позволяли снабжать больных овощами и фруктами, одеждой. Труд больных дал возможность благоустроить отделения, особенно санаторные, которые стали представлять собой прямо-таки цветущие сады. Так что всё в руках человеческих, всё зависит от отношения к своей профессии и к людям.

Корр.: Каково положение дел в детской психиатрии?

Г. К.: Ещё более удручающее, чем во взрослой. Детский контингент подвергся особенно яростной атаке со стороны борцов с психиатрией. Количество стационаров снизилось. Причём равнозначной замены закрытых стационаров амбулаторными службами нет. Уменьшилось количество психиатров. Ограничены возможности обучения детской психиатрии. Даже сама специальность “детский психиатр” исключена из списка медицинских специальностей, курирующих детский возраст! Отсутствует и такая специальность, как “детский нарколог”, хотя детей, страдающих наркотической зависимостью, у нас много, особенно маленьких токсикоманов. Отсутствует психологическая служба, которая в какой-то мере должна была бы предварять поступление детского контингента к психиатру. На заре перестройки в поликлиники были введены ставки психологов, но теперь они убраны. Убирают психологов и из школ, хотя следовало бы, наоборот, укреплять штат школьных психологов, потому что нагрузка на таких специалистов в школе была непомерной: пятьсот и более детей. А ведь психолог не просто должен обследовать контингент, но и работать с теми, кто нуждается в помощи. Все эти факты свидетельствуют об отрицательном отношении к психическому здоровью, к психиатрам и психологам. Якобы надобность в таких специалистах отпадает. И последний удар по психиатрии — это ликвидация психологических центров сопровождения. В своё время в Москве таких центров было открыто более 50, сейчас они либо ликвидированы, либо перепрофилированы. Врачебные ставки из них убраны. А ведь эти центры выполняли важнейшую работу. В них приводили детей, у которых ещё не было серьёзных психических расстройств, а лишь намечались психические проблемы. Но они могли получить там квалифицированную психиатрическую, психотерапевтическую, неврологическую и психологическую помощь. Причём совершенно бесплатно!

Корр.: Эти центры были созданы как бы вне психиатрической службы, но при этом способствовали улучшению психического здоровья детей и подростков?

Г. К.: Да. Они были созданы на стыке психологии, медицины и социальной помощи и назывались психолого-медико-социальными центрами. Сделано это было намеренно, поскольку многие люди боятся обращаться к психиатрам. Бытуют мифы, что психиатры могут здорового человека сделать сумасшедшим...

Корр.: “Залечить”...

Г. К.: Вот именно! Залечить, запереть за железные решётки, надеть смирительную рубашку... Хотя на самом деле психиатры, пожалуй, самые гуманные из всех врачей, ведь им приходится терпеть очень трудных, порой опасных пациентов, которые не относятся к врачу с уважением, а, скорее, наоборот. И, тем не менее, психиатр терпит их выходки, подчас очень оскорбительные, и старается помочь. И лишь потом, выйдя из психоза, пациент понимает, из какой пропасти его вытащили, и начинает испытывать чувство благодарности. Поэтому, создавая центры помощи семье и детям, — а мы с моими коллегами стояли у истоков их создания в Москве! — мы постарались учесть страх многих людей перед психиатрией. Ценность этих центров была в том, что там как бы не было психиатров. Это было некое промежуточное звено между настоящей психиатрической и обычной амбулаторной службой. В центрах имелся большой набор специалистов, с которыми можно было побеседовать о своих проблемах, посетить занятия психологов, логопедов, игротерапевтов. Оказывавшаяся помощь была комплексной, глубоко продуманной, скоординированной и, что очень важно, анонимной. И вдруг эти центры повсеместно закрылись!

Корр.: А количество психически больных детей, между тем, увеличилось?

Г. К.: Не просто увеличилось, а стало опасно велико! Необходимо восстановить эти утраченные структуры. Тем более что возникли эти структуры не просто так. Они были выработаны на основе колоссального опыта, накопленного в нашей стране за последние сто лет.

Корр.: Вы сказали, что стояли у истоков создания таких центров в Москве...

Г. К.: Да. В 1995 году Центр охраны психического здоровья, а конкретно — отдел психиатрии раннего возраста, который я возглавляла, — вышел с предложением к тогдашнему мэру Москвы Ю. М. Лужкову создать такие центры. В конце концов, удалось достичь соглашения с администрацией го-

рода, и психолого-медико-социальные центры были открыты во всех московских округах. И вдруг теперь их почему-то позакрывали. Очень удручает и закрытие специализированных дошкольных детских учреждений, а также курс на интегративное школьное образование.

Корр.: Вы имеете в виду закрытие коррекционных групп в детских садах?

Г. К.: Нет. Коррекционные группы ещё сохраняются, хотя сами коррекционные сады практически ликвидированы. Во всяком случае, их количество резко сокращено. Помощь, которая всегда оказывалась детям бесплатно, вдруг стала платной. К примеру, если у ребёнка логопедические проблемы, будь добр – плати.

Корр.: Одна моя знакомая взяла под опеку сироту из Дома ребёнка. У него задержка развития, ему нужно заниматься с разными специалистами, в частности, с дефектологом и логопедом. И, несмотря на декларируемую поддержку сирот, эта мама сейчас вынуждена выкладывать кучу денег на оплату лечения и занятий, потому что получить бесплатную помощь крайне затруднительно. Если такое творится в Москве, то что тогда говорить о других городах?!

Г. К.: Да, тенденции последнего времени вызывают очень большую тревогу. Это какая-то тихая, подковёрная практика, направленная на разрушение психического здоровья.

Корр.: Поясните, пожалуйста, в чём минусы интегративного образования.

Г. К.: Присутствие в обычном классе тяжело психически больного инвалида отнюдь не будет способствовать гармонизации отношений между детьми. Да и для его обучения это далеко не лучшие условия. Какой толк от того, что он будет присутствовать в классе, мало понимая, что там происходит? Он нуждается совсем в другом подходе и другом тренинге.

Корр.: В Москве сейчас закрывают школы здоровья, которые были созданы специально для детей-инвалидов, школы с малой наполняемостью классов, облегченной программой и учителями, хорошо понимавшими особенности таких детей. Родители бьют тревогу и собирают подписи. Они считают, что это страшное нарушение прав детей-инвалидов, нуждающихся в особом подходе и попечении.

Г. К.: Они совершенно правы. Это одна из составляющих разрушения социальной структуры. У нас была очень развитая социальная структура помощи детям с психическими отклонениями. Причём структура с очень большой градацией: от глубокой умственной отсталости до лёгкой умственной отсталости и каких-то пограничных психических расстройств. Были даже учебные заведения для практически здоровых детей, которые, однако, нуждались в коррекционной программе. Всё это было продумано, было подготовлено много специалистов, производился обмен опытом. И вдруг сейчас эта система подвергается реорганизации, причём делают это люди, компетентность которых у меня как у специалиста вызывает большие сомнения. Их действия противоречат элементарной логике и профессиональному опыту. Ещё один яркий пример такой некомпетентности: в своё время в педиатрических клиниках была проведена большая работа по открытию психосоматических отделений. Теперь психиатры убраны. Даже консультантов – и тех намереваются убрать! Создавать психосоматические отделения вообще не планируется, хотя, как уже говорилось, 80% больных в детских клиниках нуждаются в помощи психиатров. Без лечения психики невозможно полноценно выправить здоровье таких детей! А с другой стороны, психиатрам ставят палки в колеса, неуклонно сужая список лекарств, разрешенных для лечения детей. Говорить об этом очень горестно...

Корр.: Но все равно необходимо! Люди должны знать, с чем они могут столкнуться, если, не дай Бог, у ребёнка обнаружатся какие-то психические проблемы.

Г. К.: Вы правы. У меня врачебный опыт более 50 лет. Я уже работала в области детской психиатрии, когда только начали появляться лекарства из разряда психотропных, которые произвели настоящий переворот в лечении невротических состояний, психозов и других заболеваний, позволили заметно улучшить результаты лечения. Лекарства эти применялись к детям всех возрастов, разница была только в дозировке. И вдруг сейчас даже те препараты, которые мы раньше применяли, выведены за скобки. В нашем распоряжении остаются средства, которые применялись более 50 лет назад. Это наиболее

токсичные, вредные, тяжёлые препараты. Но их, согласно новым инструкциям Минздрава, можно применять, а более современные и менее вредные – никак нельзя. Теперь они разрешены к применению только с 12, а то и с 18 лет. А в более раннем возрасте, когда мы как раз можем по-настоящему помочь, нам детей эффективно лечить запретили. Это чисто американская установка, потому что у них психически больными признаются лица после 12–15 и более лет.

Корр.: А до этого?

Г. К.: До этого их больными не признают, считают просто “особыми” и говорят, что они должны учиться, посещать специальные курсы адаптации. Да и потом, в США существует установка на то, что общество должно к ним приравниваться. Поэтому в школе можно не ставить отметок, с учителями можно общаться как с приятелями, хамить, угрожать... Короче говоря, в последнее время психиатрическое лечение больных детей в нашей стране невероятно затруднено. Теперь врачи только на свой страх и риск выписывают больным лекарства, которые они применяли десятилетиями, но которые вдруг одним росчерком чиновничьего пера оказались под запретом. Спрашивается, почему мы должны отказываться от апробированных препаратов, которые, как показал многолетний опыт, оказывают положительное воздействие? Почему нас заставляют переводить пациентов на более вредные вещества? Распоряжения чиновников отдаются без согласования со специалистами. Наоборот, специалистам диктуется, как они должны жить.

Корр.: Да, крайне странно, что в обстановке ухудшения психического здоровья детей происходит системное ограничение психиатрической помощи.

Г. К.: Увы, ситуация на сегодняшний день весьма тревожна. И всё-таки, как говорится, жизнь берёт своё. Есть множество энтузиастов, которые, тем не менее, открывают центры психологической помощи, центры реабилитации наркоманов, лечения трудных подростков и маленьких детей с проблемами. Очень большую роль в этом играет Православная Церковь. Общество даёт свой ответ на вызовы времени. Но, конечно, только таким образом проблему не решить. Нужна очень серьёзная государственная политика, направленная на прекращение бездумного, а может, в какой-то степени и вредительского реформирования медицинской помощи.